

Юре было девять лет, но он мало что понимал про себя. Разве что носил внутри чужие, брошенные в него фразы, осторожно, слово в слово. И потому знал, что противным нравом пошёл в отца, хотя ни разу его не видел. А ещё то, что в садике писался во время тихого часа, мама с воспитательницей его за это ругали, а он от обиды плакал. Знал ещё, что глупее других детей и что шутки у него несмешные. И достаточно было этих скудных штрихов, чтобы мнение о себе Юра имел весьма жалкое.

Из того малого, что он понимал про себя, было его очарование Катей. Оно возникло не вчера, но Юра, сидя на уроке математики, только-только поймал его, когда солнечный луч, игравший бликами с Катиной партой и рукой, невольно увлёк его взгляд. Её пушистые волосы, почему-то не в хвосте как обычно, а распущенные, лежали на спине, а сквозь их путаницу едва мелькала кофта нежно-розового цвета. И своё чувство Юра скрывал, как скрывал и всё другое, что его волновало.

Жили Юра с мамой в трёхэтажном панельном доме, на самой окраине крошечного города, где через дорогу уже начиналась деревня. В этой деревне у них было огорожено четыре сотки земли под грядки и железный сарай с курами и недавно купленной коровой — без избы, без сторожки. Мама

называла деревню второй работой, и Юру туда брала редко, чтобы не мешал. Вечера он проводил на улице с другом Артуром или в одиночестве на скамейке у подъезда. Ему разрешали играть и на детской площадке во дворе, но без Артура он туда не шёл — дичился незнакомых ребят.

И в этот майский вечер Юра сидел на скамейке и наблюдал закат. Иной раз ему было приятнее находиться здесь, в тишине, одному, чем с кем-то общаться. Небо притягивало его, словно пытаясь шепнуть что-то важное. И его яркие, нежные волны подсказывали Катиню имя. Они — закат и Катя — были одного рода-племени и берегли одну тайну на двоих. Её розовая кофточка была спита из лоскутков заката, а солнце родилось из её волос. Вместе они были далёкими-далёкими и прекрасными-прекрасными. И ему никогда запросто не дотронуться было ни до Кати, ни до заката.

— Юрка, домой иди! — прокричали из окна. И Юра пошёл.

Мама встретила его на пороге.

— Завтра корову загонишь, я не смогу. Я работницу заменяю, — сказала она, как обычно сурово. — Слышишь?

Мама была в шершавой длинной юбке и тёплой кофте болотного цвета. В это время года она два раза за день ходила на дачу: в шесть утра доила и выгоняла корову, а в семь вечера забирала её у пастуха и доила повторно. Одевшись утром перед дачей, в той же одежде шла на работу. А вернувшись с завода, надевала тапки и принималась готовить обед. К вечеру — снова на дачу, с дачи — на точку продавать молоко.

Юра слышал, на ночь промывать, что конкретно ему нужно будет сделать. Он смотрел на мамину короткую, будто мальчишескую стрижку — волосы жидкие, кое-где седые. Особенно из-за этой стрижки он стыдился её. И из-за молока, которое мама продавала в изношенных пластмассовых бутылках по вечерам около центрального магазина. И ещё потому, что на школьных праздниках она стеснялась учительницу и стройных женщин с тонкими браслетами на руках и оттого болтала без умолку и громко смеялась. А дома, с Юрой, снова становилась прежней — важной и молчаливой.

Утром мама зашла в Юрину комнату и, положив на стол большой ключ от сарая, напомнила, что в семь вечера на пустыре у дачи будет ждать стадо. Юра, разлепя глаза и понимая, что больше возможности не будет, всё же осмелился спросить напоследок:

— А как загонять-то?

— Как-как? — удивилась мама. — Что, не видел, как я два месяца корову загоняла, что ли?

Юра не раз видел, как мама загоняла корову, но в деле не участвовал, да и не интересовался им, а только ошивался поблизости.

— Видел, — сказал Юра, опустив взгляд.

— И что тебе непонятно?

— Всё понятно.

— Ничего, взрослый уже, с собаками грязными не боишься вошкаться, а с коровой и подавно справишься, она сама за тобой пойдёт.

После школы они с Артуром пошли на пруд, забежав по дороге домой за стеклянной банкой для тритонов. Юра надеялся, что друг согласится пойти с ним и на дачу, но Артур сказал, что бабушка просила вернуться пораньше. Юра понимал, что это неправда, но решил об этом не думать.

Тритонов к Артуру домой приносить было нельзя, и сразу от пруда Юра с банкой направился к пустырю. Он спросил у прохожего время, тот ответил: “Полседьмого”. И хмуро стало на душе, что успевает, что, позабыв о времени, не загулял с Артуром допоздна. Нарочно не исполнить поручение Юра не мог, а случайно забыть о нём ему бы хотелось.

На пустыре уже стояло небольшое стадо, коров десять, и сновали повсюду мошки. Коровы походили на динозавров: сильных, древних и непредсказуемых. Они не смотрели на Юру, но ему казалось, сделай он лишний шаг — побегут на него и потопчут, будто в танце. Он поставил банку на траву, огляделся — пастуха не было видно. Его бросило в пот — никто ему теперь

не поможет. Даже если найдёт Звёздочку, то не сможет отвести её в сарай. Не может быть, чтобы динозавр слушался мальчика. Как не может быть, чтобы его, Юрина, мать слышала его.

Но даже найти её было невозможно: все коровы кроме одной, бурой, ходили друг на друга. Все — белые с чёрными пятнами. Правда, знал Юра, что у Звёздочки на лбу треугольное пятно было. Но коровы все лбами к нему не поворачивались, а подходить и обглядывать каждую было страшно. Он кругом обошёл стадо. И — удача! — на противоположной стороне, с краю, стоит корова с пятном. Правда, пятно не совсем и треугольное.

— Звёздочка, — позвал он вполголоса, смотря корове прямо в глаза. И, удерживая на ней взгляд, словно зовя за собой, отошёл на три шага, ожидая, что та пойдёт вслед. Корова не двигалась, только судорожно вздрагивала её бока, и метался хвост влево-вправо. Юра стоял, ожидая непонятно чего. Вдруг взгляд его ухватился за мелькнувшее в центре стада пятно — там, наклонив голову к земле, стояла ещё одна Звёздочка. Слышно было, как от натуги трава под её толстыми губами разрывалась и потом вымешивалась крупными челюстями. Подойти к ней означало обречь себя на смерть от первобытного танца природы. Юра замер. Он всерьёз выбирал между смертью и маминым недовольством. Через пару минут он решился идти домой.

Было около восьми, когда послышались движения ключа в замочной скважине. Юра притих в своей комнате. Дверь открылась, на пол поставили пакет с продуктами.

— Юрка-а, ты дома?

— Да, — сказал Юра негромко и, поняв, что мама не услышала, протянул: — Ту-ут.

— Корову загнал? — спросила мама, зайдя в комнату.

— Да, — он старался посмотреть ей прямо в глаза.

— Молодец. Я тебе апельсинов купила. Сейчас картошку пожарю и пойду доить.

Юра и боялся, что она ещё спросит: “Не забыл закрыть сарай?” или “Не потоптала корова цветы у калитки?” — и хотел этого всей своей трепещущей душой. Тогда неизбежное наказание придёт сейчас, и его не нужно будет ждать, как дикого зверя из леса, чьи шаги уже слышны. Но мама больше ничего не спросила. Она закрыла за собой дверь и пошла на кухню. Юра прислушивался к тому, как шипело и трещало масло на сковородке, и этот привычный ласковый звук сейчас утяжелял его тоску.

Он покинул комнату, только когда все звуки затихли. На кухне, в тарелке для супа, лежали четыре дольки апельсина. Юра вздохнул. Он ощущал себя самозванцем, который заполучил сладость, принадлежащую другому, правильному мальчику. И эта сладость не радовала. Съест дольку и шепчет: “Господи, хоть бы корова не ушла никуда с пустыря, а ещё лучше — подошла к сараю, тогда точно ругать не будут”.

Но всё же он готовился к наказанию — память сама подкидывала ему сцены.

— Врёшь, паразит? — сказал он сам себе тихо, повторяя знакомую фразу. Юра втянул голову в плечи, представляя, как в очередной раз получит поварёшкой по голове.

“Весь в отца!” — отозвалось где-то рядом маминым голосом.

А в прошлом триместре, когда Юра исправил двойку по математике в дневнике на четвёрку, мама сказала: “Отдам тебя отцу, чтобы он сам свою подлую породу выращивал”. Юра обрадовался тогда. Воображал, как незнакомый ему ещё папа будет играть с ним в футбол и покупать мороженое. Может, именно сегодня мама соберёт его вещи, и папа впервые придет за ним.

Вскоре Юру захватила игра с апельсинowymi шкурками-лодками, плывущими по столу через моря к отцу, как захватывает сон плачущего ребёнка. И когда заскрежетала замочная скважина, он еле успел перебежать в свою комнату незамеченным. Мама поставила ведро с молоком на пол, разулась, снова взялась за скрипящую ручку, зашла на кухню. Звуки прекратились.

Юра раскрыл перед собой учебник русского языка и сел, весь превратившись в слух. Шорохи, стуки, голоса рождались в его голове, как призраки в тёмной комнате.

Так прошло около получаса. Юра бесшумно вышел в туалет. В квартире стояла полная тишина. На кухню он направился уже уверенный, что мамы дома нет, и вздрогнул, увидев её прямо перед собой, сидящую на табуретке. Правый локоть лежал на столе, глаза закрыты ладонью. Будто статуя.

— Ну что, погонял меня по деревне? — сказала она, вытягивая каждое слово, и медленно подняла козырьком ладонь. Глаза у неё были измученные.

Юрины губы улыбались. Он старался их сдерживать, но они вновь расплывались, как у полоумного. В ответ на его улыбку мамы глаза щёлкнули злостью. Она встала, подошла к раковине, включила воду и принялась мыть посуду, не глядя на Юру. Он уже не улыбался. Он дрожал. Мама повернулась к шкафу с посудой, и взгляд её голубых глаз проскользнул по сыну так же, как по рядом стоящей плите. Она расставила тарелки и вышла из кухни.

Он знал, что поступил плохо. Особенно эти купленные мамой апельсины никак не могли выйти у него из головы. Как будто из-за них он был прежде всего виноват. Но хуже было то, что даже на утро мама с ним так и не заговорила. Не заговорила и днём, хотя у неё был выходной. И не нарушая молчания, вечером ушла на точку продавать молоко. Оставшись один на один с маминым домом, таким же враждебным, как и она, Юра затосковал. Дом молча выгонял его, и он послушался. Но дальше скамейки не ушёл. И только там он вспомнил про оставленных на пустыре тритонов — теперь их точно собаки съели. Хоть и не корова, но всё-таки что-то пропало, утерялось.

По тротуару тем временем проходили женщина с девочкой.

— Катя, смотри, это Юра, что ли? — женщина в белых брюках дотронулась до плеча девочки и вопросительно посмотрела на Юру.

Юра на секунду подумал, что они пришли к нему в гости.

— Привет, — сказала Катя.

— Ты чего здесь так поздно один сидишь? Не замёрзнешь? — не дав ему поздороваться в ответ, спросила Катина мама.

— Не-ет, я тут, около дома, — Юра показал на свой балкон.

— А, ну хорошо тогда. Доча, поделись конфетами.

Катина мама смотрела на Юрины литые шлепанцы, надетые поверх носков, ворот футболки, вытянутый треугольником, и мягкие спортивные брючки с катышками по бокам. Она предугадывала по его глазам, что достаточно двух тёплых слов, и этот детёныш, не раздумывая, схватит крепко-крепко твои пальцы и, быстро-быстро перебирая ножками, пойдёт с тобой.

Этого всего Юра не знал о себе. Он разглядывал конфеты, которые насыпала ему Катя: мишки на деревьях, белка с орехом в лапках. И только сейчас он понял, что это Катина мама берегла с небом одну тайну на двоих, а после просто поделилась ею с дочерью. Юра сидел, почти не двигаясь, — закатное небо спустилось к нему и укутало его в своих объятиях. Катя с мамой превратились в две маленькие отдаляющиеся фигурки.